

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Джеймс, — тонкие, похожие на паучьи лапки пальцы вампира легли на клавиши рояля, принадлежащего помощнику министра торговли. — Зачем вы приехали в Пекин?

Эшер заметил его мельком ещё тогда, в дверях просторного гостиного зала, пока осматривался по сторонам. В первую очередь его интересовало, присутствует ли сегодня в гостях у министра торговли тот человек, чьи показания могли спасти ему, Джеймсу Эшеру, жизнь. («Да, сэр Грант где-то здесь», — заверил хозяин, прежде чем отойти к другим, более важным гостям.) Во-вторых, не явился ли сюда кто-нибудь, способный сделать так, чтобы обратно в гостиницу Эшер уже не вернулся. Во время предыдущего визита в Китай, четырнадцать лет назад, ему довелось побывать на занятой Германией части Шаньдунского полуострова — и некоторые высокопоставленные офицеры кайзеровской армии, встретясь они ему сегодня, вполне могли потребовать расплаты за кое-какие дела.

«И даже если бы я сказал им, что уволился из департамента и прибыл сюда исключительно в качестве преподавателя филологии и фольклора из Нового колледжа в Оксфорде, они бы вряд ли мне поверили...

Я бы на их месте точно не поверил».

Нынешний приём практически ничем не отличался от аналогичных мероприятий где-нибудь в Кенсингтоне или

Мэйфере, проводимых в честь помолвки дочери хозяина, разве что большую часть собравшихся, что в приёмном зале, что в малой гостиной, составляли мужчины, а прислуга состояла исключительно из китайцев. Но шампанское было французским, а в буфете подавали традиционные для любых приёмов крутоны и икру.

Эшер заметил его в дверном проёме между гостиной и залом — худощавого, бледного джентльмена чуть выше среднего роста, с длинными, непослушными седыми локонами и лицом, выдающим в нём человека совсем иной эпохи, несмотря на модный чёрный костюм и белый галстук-бабочку. Лицом того, кто родился в шестнадцатом веке.

Вернее, в тысяча пятьсот пятьдесят пятом году дон Симон Ксавьер Кристиан Морадо де ла Кадена-Исидро умер.

И превратился в вампира.

Эшер медленно вдохнул, выдохнул и ответил:

— Полагаю, вы знаете, зачем я здесь.

Он потянулся ко внутреннему кармашку своего чёрного фрака, но Исидро шевельнул пальцем — мол, уже читал.

«Конечно же, он уже читал. Собственно, поэтому он и сам сегодня здесь».

Эшер коротко взглянул вампиру в глаза, похожие на два ку-сочка кристаллической серы, ярко-жёлтые с бледными серыми крапинками.

«Надо было убить его в Санкт-Петербурге, когда мне выдалась такая возможность».

Тот факт, что Исидро спас жизнь и ему самому, и его молодой жене Лидии, не стоило принимать во внимание. С тех пор как Эшер узнал о существовании вампиров, прошло семь лет — и за эти семь лет он насмотрелся на то, как они убивают, и убивал их сам. Джеймс знал, что Исидро — один из опаснейших вампиров Европы, вероятно, самый старый из них, к тому же достигший непревзойдённого мастерства в искусстве, свой-

стенном этому племени: искусстве морочить головы и сбивать смертных с истинного пути.

«Настолько, что они начинают считать, что не смогут убить его даже тогда, когда стоят над его телом с колом и молотком в руках».

Исидро обернулся к молодой леди, сидевшей рядом с ним на фортепианной скамье:

— Вы знаете что-нибудь из Шуберта, сударыня? — спросил он на французском языке, практически повсеместно принятом в дипломатическом сообществе.

Девушка кивнула. Эшер сообразил, что это, похоже, одна из дочерей бельгийского посла. Все женщины, даже слишком юные для официальных выходов в свет, были на вес золота на вечеринках, проводимых в узком кругу Посольского квартала.

— Сможете сыграть его «Серенаду»? Прекрасно. — Исидро улыбнулся, не размыкая губ; когда длинные клыки вампира оставались скрытыми, его улыбка казалась восхитительной. — Джеймс, — обернулся он, вставая, — нам нужно поговорить.

Взяв Эшера за локоть, Исидро повёл его сквозь толпу гостей к одному из эркерных окон. Рука вампира казалась легче детской, но Джеймс знал, что в ней достанет силы, чтобы раздавить кость в крошки.

Собравшиеся гости между тем вели светские беседы — и темы для этих бесед ничуть не изменились с тысяча восемьсот девяносто восьмого года.

— Честно говоря, я устала с ними спорить, — вещала какая-то матрона с тяжёлым подбородком на беглом венском французском, обращаясь к элегантной леди, разодетой в тёмно-фиолетовые шелка. — Наш «любимый сыночек» наотрез отказывается вешать зеркало над камином в комнате Фридриха, сколько бы я его ни уговаривала. Он говорит, что это якобы дурная примета — вешать зеркало напротив кровати...

Диалектные различия и акценты были любимым хобби Эшера — а теперь, когда он начал преподавать филологию, официально стали его работой. Его натренированное ухо отличало школьно-правильный французский англичан и русских, невнятный парижский говор французского посла и его жены, а из одного угла донёлся немецкий — резкий берлинский акцент против местечкового саксонского.

Слух не подвёл — в углу обнаружился полковник фон Мерен, Эшер помнил его ещё со времён предыдущей поездки в Китай.

«Интересно, он всё ещё военный комиссар кайзера?»

Рядом с фон Мереном сидел старый Айхорн, ведущий переводчик немецкого посольства, как будто вовсе не постаревший за эти годы. Полковника опасаться не стоило — вряд ли он узнает в неприязнительном филологе со скромными каштановыми усиками лохматого и угрюмого «профессора Геллара из Хайдельберга», в образе которого Эшер предстал перед ним в прошлый раз. А вот Айхорн, один из известных знатоков китайской культуры, проведший здесь немало времени, наверняка является связным немецкой разведки.

Так что от него как раз стоит держаться подальше...

А сэра Гранта Гобарта в толпе до сих пор не видно. Уж при его-то немаленьком — под два метра — росте Эшер вряд ли не сумел заметить давнего оксфордского знакомого.

Исидро завёл его в один из эркеров, отделённых от зала бархатными шторами. За окном в ледяной тьме вечера раскинулся мёртвый сад — голые ветки деревьев шелестели на ветру, дующем из пустыни Гоби, сухие, как та бурая пыль, от которой некуда было скрыться во всём Пекине. Как и убранство дома, этот сад служил отчаянной попыткой доказать, что жизнь в Китае вовсе не так уж сильно отличается от жизни в Англии: то самое британское «что бы ни случилось, держи лицо» в чистейшем виде.

— Полагаю, вы согласитесь с тем, что партия Гоминьдан делает огромную ошибку, добиваясь права голоса для всех жителей Китая, сэр Эллин, — раздался голос прямо за шторой. Эшер недоумённо поднял брови — голос принадлежал самому «временному» президенту недавно образованной Китайской Республики и командующему самой большой части её армии. Юань Шикай¹, крепкий, темноглазый, одетый в идеально подогнанную форму западного образца, расшитую золотом, обвёл стоящих вокруг него дипломатов холодным взглядом. — Народ Китая нуждается в крепкой правящей руке — точно так же норовистая лошадь чувствует себя увереннее, когда её направляет всадник. Без сильного мужа у власти страна обречена на тысячу скорбей.

Сэр Эллин Эддингтон что-то согласно буркнул, как полагалось вежливому хозяину. Чуть поодаль прозвучало имя сэра Гранта, и Эшер вытянул шею, высматривая говорившего: худенькая девушка в совсем девчачьем белом платье перехватила за локоть леди Миру Эддингтон — в их лицах прослеживалось явное сходство, — и тихо спросила:

— Что сказал сэр Грант?

— Холли, милая, он обещал, что Рики придёт. Ничего другого он и не мог сказать.

— Это просто оскорбительно! — точёные скулы Холли Эддингтон залила краска. — Опоздать на собственную помолвку...

— Дорогая, — со вздохом ответила мать, касаясь плеча дочери рукой в лайковой перчатке. — Ты же знаешь характер Ричарда. Я прикажу Ченю сообщить, когда Ричард прибудет сюда, но ничего сверх того мы сделать не в силах. Так что не стоит изводить сэра Гранта бессмысленными расспросами о сыне.

---

¹ Ю а н ь Ш и к а й — китайский военный лидер и политический деятель эпохи заката династии Цин и первых лет Китайской Республики, провозгласивший себя пожизненным президентом, а впоследствии избранный императором на непродолжительный срок.

Леди Эддингтон указала глазами в дальний угол зала — и ровно в этот момент оттуда послышался хорошо знакомый Эшеру голос:

— Что за чушь!

Этот возглас заставил гостей оглянуться. Сэр Грант Гобарт наконец-то нашёлся — в компании двух немецких офицеров, Эшеру незнакомых. А вот третьего собеседника, невысокого крепыша в очках с толстыми стёклами, Джеймс узнал — это был мелкий дворянин по фамилии Мизуками, четырнадцать лет назад занимавший должность военного атташе императора Мэйдзи в немецкой ставке в Шаньдуне.

«Не самый удачный момент, чтобы о чём-то просить», — подумалось Эшеру, хотя он и без того уже встретил человека — пусть и не совсем живого, — способного рассказать всё, что требовалось знать про тот ужас, который заставил Джеймса отправиться за тридевять земель, на самую окраину британских территорий, в эту новообразованную Китайскую Республику...

Глаза вампира по-кошачьи светились в тени бордовых шторм, отражая свет электрических ламп гостиной.

Эшер нашарил в нагрудном кармане вырезку из августовского выпуска «Журнала восточной медицины». За шесть недель пути, проведённых на борту корабля «Ройял Шарлотт», он перечитывал эту заметку снова и снова — и всякий раз надеялся, что всё написанное в ней — ложь.

— В прошлом году, в Праге, вы рассказали мне, что здесь обосновались те твари — живые мертвецы, не являющиеся вампирами, — начал Эшер. — «Иные», так вы их называли.

Веки Исидро едва уловимо дрогнули — этот жест заменял согласный кивок живого человека. Но в этой неподвижности не чувствовалось ни дыхания смерти, ни неестественной застывшей — казалось, что за триста пятьдесят лет своего существования вампир просто утомился от общения с миром живых.

— А вы сами видели их хоть раз?

— Однажды. Как и вампиры, они весьма хороши в искусстве отведения глаз, — в мягком шёпоте Исидро всё ещё слышались отголоски того кастильского языка шестнадцатого века, на котором он говорил при жизни. Насчёт умения отводить глаза вампир ничуть не преувеличивал, та девушка за пианино — сейчас весьма профессионально исполнявшая «Серенаду» Шуберта, — тоже не заметила ни его длинных клыков, когда он говорил, ни таких же длинных, острых, хищно поблёскивающих когтей. Подобной психической силой обладали все вампиры без исключения.

Наверняка она не обратила внимания и на то, что он не дышит.

— Они могут отвести глаза даже вампиру?

Ресницы Исидро снова дрогнули.

— А ещё мы не можем воздействовать на них силой мысли так, как воздействуем на живых. Возможно, отчасти сказывается тот факт, что Иные обитают на пражских речных островах, прячутся под мостами, пользуясь нашей... *неспособностью*... — он запнулся, с видимой неохотой признавая собственную слабость, — пересекать текущую воду.

— А они на это способны?

— Способны. Видите ли, я не особо стремился познакомиться с ними поближе. — Исидро натянул светло-серые лайковые перчатки, расправил складки на длинных пальцах. — Они пожирают вампиров точно так же, как живых людей и, в общем-то, как всех прочих существ, которых им удаётся поймать.

— Но вы же говорили, что Иные обитают только в Праге.

— Так мне сказал хозяин Праги. И точно в том же меня заверяли хозяева Берлина и Варшавы. А в Аугсбурге, Москве и других городах про этих тварей слухом не слыхивали.

— И тем не менее они вдруг оказались здесь.

Небольшая морщинка, похожая на росчерк тонкого пера, на мгновение проявилась в уголке рта Исидро — и тут же сгинула.

— Что ещё говорил хозяин Праги?

— Я всё пересказал вам ещё тогда. Что они появились пять с половиной веков назад, в первые дни эпидемии чумы. Обитают в склепах и тоннелях, опутывающих старую часть города. Порождают себе подобных тем же способом, что и вампиры, через заражение крови, однако каким-то образом минуют необходимый для вампиров переход через смерть. Иные отличаются от живых мертвецов даже физически — их практически невозможно убить.

— Но они могут состариться и умереть?

— Этого хозяин Праги не знал, — вампир так резко обернулся, словно услышал за шторой какой-то шорох. Сам Эшер не уловил ничего — только гул голосов остальных гостей и вой ветра за окном.

«Он нервничает, — понял Джеймс, заинтригованный этой мыслью. — Даже не так. Он *напуган*».

— Насколько мог судить хозяин Праги, — продолжил Исидро как ни в чём не бывало, — у Иных остаётся некое самосознание, пусть и не в таком объёме, чтобы сохранить индивидуальные черты — те, что делают меня Симоном, а вас — Джеймсом. Они держатся и действуют вместе — как животные в стаде или рыбы в косяке. Как и вампиры, они, судя по всему, боятся солнечного света, хотя потребуется больше времени, чтобы спалить их дотла, и схожим образом реагируют на такие вещи, как серебро, боярышник и чеснок. Точно так же, как и у вампиров, у них сохраняются детородные органы, однако их невозможно использовать по прямому назначению. А разве тот старый еврей-профессор, приехавший вместе с вами в Китай, не знает про всё это?

— Знает, но не в полной мере. — Эшер с удивлением обнаружил, что Исидро известно, кто сопровождает его в поездке. — Профессор Карлебах изучал в основном вампиров.

Что бы хозяин Праги ни рассказывал Исидро о профессоре Соломоне Карлебахе, но губы вампира снова едва заметно поджались, выражая неудовольствие.

— Хозяин не знал, образуют ли Иные, как и вампиры, связки «обративший — обращённый» и каким образом они общаются друг с другом в принципе. Никто не слышал, чтобы кто-то из Иных разговаривал.

— Эшер, старина! — послышался гулкий голос Гобарта, и Джеймс обернулся, пожимая протянутую руку.

— Эддингтон сообщил мне, что ты прямо с порога начал меня искать — что, опять вяпался в какую-то тёмную историю, а?

Джеймс приложил к губам палец, хотя этот жест был шутивным лишь наполовину. Ведущий переводчик британского посольства насмешливо оскалился и потряс его руку с такой силой, будто качал рычаг насоса. Представлять дону Симона Эшер даже и не подумал — он ничуть не сомневался, что Гобарт вовсе не видит элегантную фигуру вампира, замершую в полутёмной нише между шторами и стеклом.

— Мне нужен тот, кто смог бы поручиться за меня, — пояснил Джеймс. — Тот, кто на все вопросы обо мне — а я абсолютно уверен, что кто-нибудь из немецких послов обязательно начнёт расспрашивать, — ответит: «Да боже, я знаю его ещё со времён Оксфорда, и он не вылезал оттуда последние двадцать пять лет!».

— Ха, я так и знал! — Бледно-голубые глаза Гобарта сверкнули весельем, и он улыбнулся шире, обнажая порченные зубы. — И в девяносто восьмом ты торчал в Оксфорде, а вовсе не шнырял по Шаньдуню, прицепив побитую молью бороду и болтая с немецким акцентом...

— Я серьёзно, Гобарт, — тихо одёрнул его Эшер. — Если уж ты узнал меня тогда, значит, кто-нибудь вполне может узнать и сегодня. Поэтому весьма важно пресекать все расспросы